

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

«Ну, брат, откентелева же ты,
что Тришки не знаешь?»

И. Тургенев «Бежин луг»

Имя нашего города – Петрозаводск – имеет одно-единственное, оно же правильное, толкование: Петра завод.

Какого Петра?

Ну, не Третьего же, который за полгода своего беспутного царствования собачьей будки не построил.

И не Второго, по своему малолетству вообще не правившего государством, в пору же взрослого возраста он, как известно, вступить не успел и в четырнадцать лет умер от оспы.

Конечно, Петра Первого, официально получившего титул великого. Так и писалось с прописной: Петр Великий.

Памятник ему стоит на Онежской набережной рядом с пассажирским портом.

Экскурсоводы говорят, что он встречается гостей города, прибывших к нам водой.

Это не более чем фигура речи.

Петр Алексеевич в жизни много ремесел перепробовал, даже зубы приближенным драл. Без анестезии. Целый мешок надергал.

Но швейцаром он никогда не был.

К причалам пассажирского порта, где швартуются суда, он стоит спиной. А лицом повернулся к городу. Так что Великий Преобразователь Земли Русской все дела наши видит.

Инициатива постройки памятника, говорят те же экскурсоводы, принадлежит олонецкому губернатору Григорию Григорьевичу Григорьеву.

С этим трудно не согласиться. Правда, в девятнадцатом веке не говорили «инициатива», с инициативой у нас в недавнем прошлом выступали трудовые коллективы и запевалы социалистического со-

ВЕСЕННИЙ КОНТРАПУНКТ

ревнования, например, выполнить пятилетку за четыре года. В девятнадцатом веке говорили и писали, что губернатору Григорьеву пришла мысль. И мысль эта была такой: установить памятник Петру I и тем самым напомнить стране, что в делах Петровых Олонецкий край занимал достаточно важное, можно сказать, основополагающее место.

Вот и первый герой нашего повествования: Григорий Григорьевич Григорьев.

Что-то нарочитое чудится в его фамилии, имени, отчестве.

Недоумение рассеивается, когда узнаем, что «тройной Григорий» – внебрачный сын графа Григория Орлова.

Он родился в сентябре 1819-го, в 1844-м окончил Медицинско-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, три года работал в Мариинской больнице для бедных. В 1847-м мы видим Григорьева в канцелярии Военного министерства, где началась его карьера управленца. В 1850-м переведен в аппарат Министерства внутренних дел на должность чиновника особых поручений. Впоследствии был членом Главного комитета по пособиям жителям Новороссийского края, пострадавшим от Крымской войны. С июля 1863-го по октябрь 1866-го он пензенский вице-губернатор, с 1866-го – владимирский вице-губернатор.

25 мая 1870 года назначен губернатором Олонецкой губернии. На этом посту он прослужил двадцать лет.

Просматриваю «Олонецкие губернские ведомости» за 1890 год.

Вот номер 37-й, вышедший в свет 19 мая.

«Мая 3-го. Олонецкому губернатору, тайному советнику Григорьеву всемилостивейше повелено быть членом совета Министров внутренних дел. Председателю Смоленского окружного суда, действительному статскому советнику Веселкину всемилостивейше повелено быть Олонецким губернатором».

21 мая Г.Г. Григорьев и его семейство дали в зале общественного собрания прощальный обед для чиновников, духовенства, офицеров местного батальона, представителей земства и города. Григорьеву и его супруге, как пишет корреспондент, «были сказаны душевные слова и произнесено много теплых речей, выражавших всеобщую любовь к ним и сожаление об отъезде их».

Этим, как и следовало ожидать, дело не кончилось. 23 мая офицеры Петрозаводского резервного пехотного (кадрового) батальона дали в

честь Г.Г. Григорьева прощальный обед. На следующий день кружок любителей музыки устроил для бывшего губернатора музыкальный вечер, закончившийся танцами под оркестр военной музыки. Отовсюду, из всех уголков губернии, в Петрозаводск поступали телеграммы и письма «с заявлениями самой живой симпатии к его превосходительству».

27 мая Г.Г. Григорьев принимал на своей квартире депутацию от городской думы. За многолетние труды его на благо города дума постановила учредить стипендию имени Григорьева в Петрозаводском трехклассном училище и на вечные времена поставить портрет его в зале, где проходили собрания городской администрации.

29 мая, а это был обычный день недели – вторник, сотни горожан собрались у общественной пристани. Народу было столько, сколько и в Петров день не бывает, отметил очевидец. Коляска, на которой приехал Г.Г. Григорьев, была встречена маршем военного оркестра. Капитан парохода «Свирь» Н.Г. Лебедев, чтобы дать возможность всем желающим проститься с Григорием Григорьевичем, более чем на час задержал отход парохода.

Но вот настала минута прощания. Отданы швартовы, пароход дал три гудка, оркестр грянул марш «Скобелев».

Вначале, как это делали все швартующиеся у городской пристани суда, «Свирь» отработала задним ходом. Потом снова пошла вперед; когда до причальной стенки осталось метров десять, капитан застопорил машину, и далее судно тихо двигалось вдоль пристани только силой инерции. Горожане что-то кричали, махали шляпами и фуражками, расчувствовавшийся Г.Г. Григорьев стоял на мостике с непокрытой головой и, прижав руку к сердцу, раскланивался с провожающими. Во время этого необычного маневра пароход постоянно давал прощальные гудки и примерно с версту шел малым ходом. И только после этого, трижды прогудев в разлуку, прибавил обороты машины.

Все это будет позже, через двадцать лет, а в начале своей карьеры на посту олонецкого губернатора Г.Г. Григорьев не раз думал о том, что бы такое сделать, чтобы об Олонецкой губернии узнали во всей России и самому на этом деле подняться.

Мы с л ь о памятнике Петру Великому была не случайной. Не сорока на хвосте принесла.

Это сегодня городские службы понаслышке, да и то нетвердо, знают, что за осенью наступают зима, и поэтому всегда искренне удивляются первому снегу. В любезном моему сердцу девятнадцатом веке зимние рамы в городской управе уже в сентябре вставляли. И об ожидающихся торжествах наперед знали. Так, в 1871 году даже чиновникам 14-го класса, то есть самым что ни на есть сереньким канцелярским мышкам, было известно, что в следующем, 1872, году исполняется 200 лет со дня рождения Великого Преобразователя России Петра I и по этому поводу во всех уголках империи пройдут праздники, а если не праздники, то, по крайней мере, большие молебны.

В Петербурге, где намечалось основное торжество, уже был построенный за счет казны памятник Петру I, а в Петрозаводске, ровеснике Петербурга, такого памятника не имелось. Так почему бы его не поставить? Мысль интересная, но не было в ней, мягко говоря, обстоятельности. В общем, шалая мысль, но попробовать стоило.

Только люди, вообще не представляющие дух той эпохи, могут предположить, что ссыльному чиновнику, пусть даже и благонаправленного поведения, позволят открыть в городе общественную библиотеку. Российское самодержавие как строй – это жестко структурированная система, и практически на все действия, имеющие социальную подоплеку, требовалось разрешение сверху. Без него, указующего и потому правильного, можно было разве что лампадку в домашнем киоте затеплить.

На строительство памятника – как минимум – нужно все милостивейшее соизволение монарха.

Но вначале олонецкому губернатору Г.Г. Григорьеву необходимо было заручиться поддержкой своего непосредственного начальника – министра внутренних дел А.Е. Тимашева.

Вот и пришла пора познакомиться с еще одним героем этой повести.

Александр Егорович Тимашев был военным человеком. Надежным. Верным. Болтунов либералов он на дух не переносил. Боевой офицер, участвовал в кампаниях 1844 и 1849 гг., в Крымской войне 1854-56 гг. Образование получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Службу начал прапорщиком гвардии и дослужился до генерал-лейтенанта, генерала от кавалерии. На гражданском поприще в разное время занимал должности начальника штаба корпуса жандармов, управляющего треть-

им отделением Собственной канцелярии Александра II, временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний, министра почт и телеграфов. Судьба к нему благоволила. За беспорочную службу царю и Отечеству Александр Егорович был награжден орденом Святого Станислава 1-й ст., орденом Святой Анны 3-й ст. с мечами, орденом Святой Анны 2-й ст., орденом Святой Анны 1-й ст. с мечами, орденом Святого Владимира 3-й ст., орденом Святого Владимира 1-й ст., орденом Белого Орла, орденом Святого Александра Невского, бриллиантовыми знаками к ордену Святого Александра Невского. Были у него и награды иностранных государств. Вот я выписал из публикации на сайте «Русская императорская армия»: командорские знаки австрийского ордена Леопольда, большой крест шведского ордена Меча, большой крест датского ордена Данеброга, бельгийский орден Леопольда 1-й ст., большой крест прусского ордена Красного Орла, большой крест французского ордена Почетного Легиона, персидский орден Льва и Солнца 1-й ст., австрийский орден Леопольда 1-й ст., большой крест итальянского ордена св. Маврикия и Лазаря.

А.К. Толстой в своей сатирической поэме «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» иронично дает нам портрет прямолинейного служаки, который наконец-то наведет на Руси порядок, но на самом деле Александр Егорович не был чужд миру искусства, и многие современники отмечают его как весьма даровитого скульптора-любителя.

В 1868 году, сменив Петра Александровича Валуева, который был отрешен от должности за неприятие мер для борьбы с голодом, Александр Егорович Тимашев был назначен на пост министра внутренних дел.

Вот к нему-то и должен был обратиться олонецкий губернатор Григорьев, чтобы донести мысль о памятнике до царя. И не просто обратиться, но и склонить на свою сторону, а для этого необходим был удобный момент, нужный день. Григорьеву уже за пятьдесят, он осведомлен, как порой принимаются те или иные государственные решения, и поэтому свое дело разыгрывает словно шахматную партию.

И вот этот день настал – 4 апреля.

4 апреля 1866 года было совершено первое покушение на Александра II. Террорист-одиночка Дмитрий Каракозов почти в упор стрелял в царя, и все должно было закончиться трагично, если бы рядом не случился шапочных дел мастер Осип

*Олонецкий губернатор
Г.Г. Григорьев*

*Сверху вниз:
Александр II
А.Е. Тимашев
М.Х. Рейтерн
Л.С. Маков*

Комиссаров, в момент выстрела он ударил Каракозова по руке, и пуля прошла мимо императора. Каракозова осудили и повесили, Комиссарова наградили золотой медалью, отчеканенной в единственном экземпляре. Но с той поры в этот день во всех храмах России каждый год проходили торжественные молебствия по случаю чудесного избавления возлюбленного государя.

Состоялось оно и в Петрозаводске в 1871 году.

Пышное, неторопкое, с крестным ходом и коленопреклонением на Соборной площади. Терпеливо отстояв службу до конца, Г.Г. Григорьев без промедления выехал в Петербург.

Напрасно спешил Григорий Григорьевич, столица готовилась отметить 53-й день рождения царствующего монарха. Торжество воследовало 17 апреля, поэтому хождения по министерствам и все встречи с облеченными властью сановниками у олонецкого губернатора состоялись только в двадцатых числах.

Вообще-то, я догадывался о том, как развернулись события дальше, но одно дело догадываться, а другое – знать. А знать мне было нужно о реакции Тимашева и его первых шагах. То, что необходимый документ обязательно найдется, я не сомневался – такие события городской жизни, как строительство памятника, всегда оставляют длинный шлейф.

Иду в Национальный архив РК, там у нас своя компания. Поговорил с Николаем Кораблевым и Татьяной Мошиной – авторами книги об олонецких губернаторах, поспрашивал архивистов, с Александром Соколовым просмотрели электронную базу данных – ничего. Пришлось взяться за описи документов огромного, так называемого «губернаторского», фонда. Правда, моя задача облегчалась тем, что был известен искомый год и я мог не просматривать все подряд, но все равно занятие это не для слабонервных и как никакое другое тренирует волю.

Я одолел уже семь описей, когда к столу подошла Татьяна Мошина.

– Валерий Николаевич, вы не этот документ ищите? Только он адресован не Тимашеву, а некоему Льву Савельевичу.

– Может, Саввичу?

– Точно, Саввичу. Вот здесь лишние буквы аккуратно зачеркнуты.

Это был, как я понимаю, черновик записки Г.Г. Григорьева начальнику канцелярии министра внутренних дел. Дело, в котором находился документ, было зафиксировано в описи № 11.

«Милостивый государь Лев Саввич, – пишет

Григорьев, – Ваше Превосходительство изволил передать мне, что Г. Министр Финансов не находит удобным разрешить отпуск 10 тыс. рублей на постройку памятника Императору Петру 1-му в г. Петрозаводске...»

Вот оно!

Именно то, что следовало ожидать.

Как опытный царедворец, Тимашев, прежде чем докладывать о ходатайстве олонецкого губернатора монарху, решил аккуратно провентилировать этот вопрос у министра финансов.

И министр финансов, естественно, отказал.

Иного и быть не могло!

Здравствуйте, Михаил Христофорович! Давно мы с вами не встречались.

Позвольте представить еще одного героя этой интриги: министр финансов эпохи Александра II Михаил Христофорович Рейтерн.

Нам бы такого – жили бы безбедно. Цвели и благоухали. Как говорил Райкин, индюки бы на заборах сидели.

Михаил Христофорович Рейтерн принадлежал к старому дворянскому роду. Отец его, Христофор Романович, был боевым офицером, командовал кавалерийским войском на юге России, участвовал в Отечественной войне 1812 года и умер в чине генерал-лейтенанта в 1833 году, оставив свою жену Екатерину Ивановну с четырнадцатью детьми, как тогда говорили, «при самых ограниченных средствах к существованию». Екатерина Ивановна была женщина добрая, образованная, умная и необыкновенной силы воли. Во многом именно ей Михаил Христофорович обязан твердостью характера. Первоначальное образование М.Х. Рейтерн получил дома, затем успешно сдал вступительные испытания и был принят в Императорский Царскосельский лицей, который окончил с серебряной медалью.

В 1840 году был определен на службу в министерство финансов на должность младшего помощника столоначальника, дослужился до старшего помощника и перешел в департамент министерства юстиции. В 1854-м назначен старшим чиновником для особых поручений при начальнике Главного морского штаба. В то время морским ведомством руководил великий князь Константин Николаевич, одним из ревностных сотрудников его и стал Рейтерн. Уже в конце декабря того же 1854 года Михаила Христофоровича за отличия по службе произвели в действительные статские советники.

На следующий год Рейтерну было высочайше повелено отправиться за границу для изучения

финансового опыта. В этой командировке он был почти три года. Вначале побывал в Пруссии, откуда отправился в Америку, в то время говорили – в Северо-Американские Соединенные Штаты (это путешествие могло бы стать темой отдельного рассказа), а после побывал во Франции и Англии. По возвращении из-за границы был пожалован в статс-секретари и назначен управляющим делами Комитета железных дорог.

В 1859 году Рейтерн стал членом Совета министерства финансов, а в 1862-м – управляющим министерства финансов.

Хозяйство Михаилу Христофоровичу досталось, мягко говоря, сложное. Дефицит бюджета, который со времени правления матушки Екатерины только возрастал, к 1860 году достиг семнадцати миллионов, а в 1862 году – почти двадцати миллионов рублей.

Все многочисленные и чаще всего плодотворные действия Михаила Христофоровича по оздоровлению российской финансовой системы находятся за рамками этого повествования. Отметим лишь один принципиальный момент: Рейтерн постоянно и с большой энергией боролся со сверхштатными ассигнованиями, и в 1871 году была достигнута цель, к которой так упорно он стремился, – установилось не только равновесие в бюджетах, более того, дефициты даже сменились небольшим превышением доходов над расходами. Но об этом станет точно известно лишь в начале следующего года, в апреле же 1871-го Михаил Христофорович лишь знает, что желанная цель близка.

А тут губернатор Григорьев со своей идеей памятника!

И откуда! Из заснеженной Олонии, о которой если и вспоминают, то как о месте, куда ссылают бунтовщиков да смутьянов.

Помните «Дневник провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина Михаила Евграфовича? Там один отставной генерал по кавалерии очень хотел в губернаторы попасть, три года во все министерства докладные записки подавал. Мне бы, говорил, в какую-нибудь немудрящую губернию, право, в Петрозаводск там или в Уфу...

А много ли это – 10 тысяч?

Судите сами: на знаменитой ярмарке, что проходила в Шунье в том же 1871 году, товара было привезено на 1022 рубля 80 копеек, продано на 663 рубля, за лошадь давали от 10 до 60 рублей, и таких лошадей, пригнанных на продажу, было полторы сотни, а кроме того, естественно,

торговали хлебом, рыбой, конопляным маслом, посудой, красным и суровским товаром.

Знаменитому Русскому императорскому географическому обществу на год выдавали из казначейства 10 тысяч и только через четверть века, когда общество смогло доказать свою полезность для государства, добавили еще 5 тысяч.

Так что совсем не маленькой была сумма в 10 тысяч рублей, и не мог, никак не мог министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн одобрить амбициозную фантазию олонецкого губернатора по строительству памятника.

Господин министр финансов, жалуется Григорьев Льву Саввичу Макову, сказал, что желание воздвигнуть памятник следовало бы заявить дворянству, как это делается в других губерниях. На это я возразил, пишет он далее, что у нас почти нет дворянства, поэтому инициатива в этом деле должна принадлежать губернатору, а земство очень бедно... «Тогда действительный тайный советник Рейтерн сказал, что он только просит действовать в этом деле помимо его».

Григорьев, конечно, понял, что это вежливая форма самого решительного отказа.

«Затем я виделся с управляющим общей канцелярией г. министра финансов Кобеко, в котором при всей его сдержанности, кажется, видно было сочувствие этому делу, он даже хотел переговорить о нем с министром. Виделся я также с государственным контролером и его товарищем (т.е. заместителем. – **В.В.**), и они тоже выразили мне сочувствие по ходатайству моему о постройке на счет казны памятника. Гофмейстер Абаза присутствовал при разговоре в Комитете...»

Дмитрий Фомич Кобеко не только государственный деятель, но и библиограф, историк. Гофмейстер императорского двора Александр Агеевич Абаза уже в силу своей должности имеет в свете определенное влияние. Встречается Григорьев и с князем Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским – товарищем (т.е. заместителем) министра внутренних дел и большим любителем отечественной старины.

Он усиленно ищет союзников, точнее, сановников из высших эшелонов власти, которые поддержали бы проект постройки памятника.

В том же архивном деле находится копия записки, поданной Г.Г. Григорьевым вице-адмиралу К.Н. Посъету. В приписке сообщается, что оригинал вручен адресату 24 апреля 1871 года.

Слово «записка» в данном случае не более чем обозначение жанра, на самом деле это довольно

пространное послание, в котором Г.Г. Григорьев пишет о себе в третьем лице.

«Память об Императоре Петре Великом занимает самую светлую страницу в истории Олонецкого края. Местный Губернатор при объезде губернии в 1870 году лично убедился, как живо сохраняется в народе память о Великом Преобразователе России. Ввиду сего Губернатор вышел с представлением к Министру Внутренних Дел 22 апреля 1871 года о возведении в Петрозаводске памятника Петру I на счет казны и полагал, что предстоящее двухсотлетие со времени рождения Монарха 30 мая 1872 года есть лучший и соответствующий момент по историческому значению для открытия памятника».

Далее Г.Г. Григорьев, разумеется, пишет об отказе министра финансов, о незначительности дворянства в губернии, о бедном земстве, которое нуждается в средствах даже в борьбе со случаями сибирской язвы. Но главная, пафосная часть записки все же посвящена исторической роли Петра I в судьбе Олонецкого края.

«Устройство горных заводов в Петрозаводске и корабельной верфи в Лодейном Поле дало новую промышленную жизнь дотоле пустынному краю. Это были первые в России любимые учреждения Петра Великого, на развитие которых он обращал особое внимание. Около десяти раз Монарх посещал заводы и верфь в последующие двадцать лет своего царствования».

В Петрозаводске, напоминая Г.Г. Григорьев, Петр Великий лично ковал железо, в Лодейном Поле спускал на воду военные корабли, которые прославили русский флаг на Балтике.

Сам ли Григорьев догадался или подсказал кто, но у этого обращения к вице-адмиралу есть угадываемая цель – ведь Константин Николаевич Посьет не только выдающийся мореплаватель и государственный деятель, он еще и воспитатель великого князя Алексея Александровича – четвертого сына императора Александра II.

Более того, Посьет и великий князь знают Петрозаводск не понаслышке, они в 1870 году посетили город и даже поспособствовали созданию общественной библиотеки, которая впоследствии так и называлась – «Алексеевская».

Сама форма записки наталкивает на мысль, что этот эмоциональный документ подготовлен не только для чтения, но и для пересказа великому князю. Не ограничиваясь этим, Григорьев пишет записку и самому великому князю Алексею Александровичу, хотя, конечно, понимает, что это выстрел наудачу. Но вдруг его императорс-

кое высочество заинтересуется, посочувствует и посодействует в деле с памятником.

В начале этой записки, датированной 28 апреля, очень коротко, практически конспективно, говорится о всеобщей любви олончан к Петру I, о желании увековечить память о нем и о трудностях, с которыми столкнулся олонцкий губернатор.

Так же энергично написана и основная часть обращения.

«По значению, которые имеют для государства основанные Петром Великим Олонецкие горные заводы, целое столетие снабжавшие русский флот и крепости орудиями и снарядами, ни один город в России не может соперничать с Петрозаводском.

Петрозаводск основан Петром Великим, носит его имя.

В Петербурге построен памятник Петру Великому за счет казны.

По собранным сведениям, постройка памятника будет стоить около 10 тысяч рублей.

Соизволение Государя Императора на возведение памятника Бессмертному Петру Великому народ примет с глубокой благодарностью».

8 мая начальник Олонецкой губернии действительный статский советник Г.Г. Григорьев возвратился из Петербурга и того же числа вступил в управление губернией.

Ему оставалось только ждать, какой будет улов широко заброшенной сети.

Самые большие надежды Григорьев возлагал на «просвещенный доклад» Александра Егоровича Тимашева и на доброе отношение к олончанам самого монарха.

В Петрозаводске Александр II побывал в июне 1858 года, когда на третий год своего правления предпринял путешествие на Север империи. Он сразу отметил, что в этом губернском городе его с нетерпением ждали. Общественная пристань – монарх прибыл на пароходе «Ильмень» – была заново отстроена, оркестр, хлеб-соль, радостные улыбки сотен встречающих. Выслушав краткие приветственные рапорты, монарх отломил кусочек от каравая, поднесенного купцом Пикиным, и спросил: «Где же коляска? Я видел ее с парохода». Тотчас подали коляску. Проехав по городу, Александр II своими глазами увидел, что все общественные здания приведены в порядок, все сверкают свежей краской, все украшены гирляндами, флагами, портретами венценосных особ. И на всем пути следования его встречали радостные улыбки ошастливленных горожан –

это было приятно. После дороги и постоянного шума паровой машины Александр II решил отдохнуть в губернаторском доме. Утром следующего дня в городе царил мертвая тишина. Полицейские строго следили за тем, чтобы ни один посторонний звук не нарушил покой государя. И, проснувшись, Александр II тоже это отметил.

Запомнилась ему и поездка на Кивач. Дорога была отменной – ни случайного камня, ни выбоинки. Через несколько лет по ней проедет писатель Н. Эюс и отметит, что они с друзьями катили, как по паркету.

Моста через Шую в ту пору не существовало, и, чтобы переправить царский поезд, было сделано два парома. Паромщиков для столь торжественного случая местная власть нарядила в новые штаны, кумачовые рубахи и тирольские шляпы. А вот на сапоги власть пожамотилась, слишком жирно будет ради двух переправ давать мужикам еще и сапоги. Александр II при виде этого маскарада невольно улыбнулся – в шляпах с перьями, но босые, право, смешно. Но тут коляску окружили местные девушки, вплели коням в гривы яркие ленты, забросали царя чуть не по пояс цветами, и он забыл о забавных мужичках-перевозчиках. Весело, с песнями, прошла эта переправа.

Кивач встретил Александра II новеньким дворцом, с открытой галереей которого был отлично виден воспетый Державиным падун. Через Суну имелся наплавной мост с обзорной беседкой посередине. Еще одна беседка была поставлена на другом берегу, на высоком утесе. И монарх отметил, что здесь его тоже ждали.

Но более всего запомнился Александру II военный смотр. Петрозаводский батальон был выстроен на площади перед кафедральным собором в походной форме. «Вид бодрый», – сказал монарх. Полковник Харитонов рявкнул команду, ее тотчас повторили, как пропели, унтер-офицеры, и батальон, печатая шаг, стройно закачался в церемониальном марше. «А знают ли они егерское учение?» – поинтересовался Александр II. «Так точно», – ответил Харитонов, который до перевода в Петрозаводск служил в Образцовом полку и службу знал до тонкости. «Дозволите скомандовать?» – спросил император. «Осчастливьте, Ваше величество». Александр II тотчас закричал: «Ружья-а-а заряжай!» Солдаты четко выполнили команду.

Александр II увлекся и провел батальону полные егерские учения. После каждой слаженно выполненной команды он восклицал: «Вот это отлично! Вот это превосходно!» А по окончании

смотра назвал солдат «молодцами», распорядился, чтобы их наградили денежной премией, и попросил у Харитонова десять нижних чинов в свою гвардию.

Перед отъездом монарха устроили народное гулянье. Общественный сад был иллюминирован китайскими фонариками. Вместе с олонецким начальством Александр II попил на веранде чаю, посмотрел на танцы и еще раз отметил открытые, радостные лица горожан. Власти нравится, когда ее любят, но еще больше нравится, когда обожают. Именно это искреннее обожание и видел Александр II. В 10 часов вечера он откланялся и отбыл на «Ильмень», стоявший уже под парами. Провожал его весь город, оглушительное «ура» и нескончаемые здравицы осчастливленного народа не умолкали ни на секунду, пока пароход чуть ли не на версту не отошел от пристани.

Очень надеялся Г.Г. Григорьев, что Александр II не забыл этой сердечной встречи.

Надеялся и терпеливо ждал.

Впрочем, что ему еще оставалось?

Весна в тот год выдалась ранняя, но затяжная. Уже в конце марта на почтовых трактах растаял снег, езда на санях сделалась затруднительной, однако лед на Онежском озере держался почти до середины мая. Петрозаводск жил своей неторопливой провинциальной жизнью. В кафедральном соборе, перед литургией, по прочтении Высочайшего Манифеста о рождении Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Александровича принесено было благодарственное, с коленапреклонением, Господу Богу молебствие о здравии и долгоденствии всего Императорского Дома. Торжественное служение совершил преосвященный Ионафан, епископ Олонецкий и Петрозаводский, соборно с городским духовенством. Петрозаводское благотворительное общество, в котором состояли 174 члена, публично отчиталось о своей деятельности за первые месяцы календарного года. Особо отмечалось, что в апреле один беспризорный мальчик был отдан для обучения сапожному мастерству с платой за учение и содержание, которая составила 5 рублей в месяц. Поступили очередные пожертвования от горожан на писание икон и позолоту иконостаса нового кафедрального собора. В бане солдатской вдовы Пospelовой под влиянием спиртных напитков скоропостижно скончался рядовой артиллерийской роты Антип Горшков. 9-пудовый куль ржаной муки в частной торговле стоил от 7 руб. 40 коп. до 7 руб. 50 коп., четверть пшеничной крупы продавалась за

13-14 рублей, за четверть гречневой крупы просили от 10 руб. 65 коп. до 11 руб. 20 коп., пуд свежего мяса стоил, как и ведро вина крепостью 40 градусов, – 4 руб. 20 коп.

19 мая в 9 часов 40 минут петрозаводский телеграф принял телеграмму, адресованную его превосходительству господину губернатору.

Лев Саввич Маков сообщал, что частным путем он узнал об отпуске 15 тысяч, но официального сообщения еще нет.

24 мая. Еще одна телеграмма от Макова:

«Официальное извещение об ассигновании 15 тысяч рублей для памятника получено. Присутствуют к составлению проекта. О результатах будете поставлены в известность».

28 мая поступило официальное сообщение от министра внутренних дел. Тимашев сообщал, что по его всеподданнейшему представлению государь император одобрил мысль о возведении памятника Петру I в Петрозаводске и ему, Тимашеву, повелено войти в сношение с министром финансов о выделении из государственного казначейства потребной для этого дела суммы – 15 тысяч рублей. «О таком высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Превосходительство, – писал Тимашев, – присовокупляя, что мною вместе с тем будет избран художник для составления проекта, который по изготовлении представится на Высочайшее утверждение».

Г.Г. Григорьев тотчас сообщил о полученном

из Петербурга разрешении городскому голове. Городская дума, собравшись 9 июня на свое заседание, с чувством глубокого благоговения послала монарху приветственный адрес за проявление царской милости, а у господина министра внутренних дел генерал-адъютанта А.Е. Тимашева в знак признательности за его просвещенное представительство перед государем попросили согласия оказать честь городскому обществу принятием звания почетного гражданина города Петрозаводска.

Государь император поблагодарил городское общество за проявленные чувства и всемилостивейше соизволил министру внутренних дел принять звание почетного гражданина Петрозаводска.

Об этом министр внутренних дел А.Е. Тимашев сообщил в личном письме олонецкому губернатору Г.Г. Григорьеву «с выражением истинного удовольствия» в том, что оказал содействие в осуществлении заветного желания петрозаводчан по сооружению памятника великому основателю Петрозаводска.

□

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

